

**Славные сыны Нанайского народа
(Тихоокеанская звезда
27.06.1943 полоса ст.3)**

Инноцентий Пассар
Рис. художника Л. Дешко.

Он защищал Сталинград

Ивана Пассара, председателя сельхозкомы села Нижний Картар, долго не брали в армию. Много раз он писал в райвоенкомат, просил райком партии, чтобы отправили на фронт.

— Поимте, — убеждал он, — мой самый младший брат Максим добровольцем ушел в Красную Армию, уже на фронте. А я, старший в семье, — и все-таки... Ну, разве не совестно мне?... И вот в один из мартовских дней 1942 года ему пришлось повестку. Иван Пассар на всю жизнь запомнил этот день. С фронта, после первой атаки, в которой он участвовал, Иван написал брату несколько слов:

«Максим, родной мой братишка, пишу тебе, а рука всё ещё заледнела. Скажу откровенно, шлобо я волновался перед атакой. А когда услышал, как кто-то рядом со мной крикнул: «ура!» — тут же забыл про своё волнение. Вот бегу и вижу перед собой особую морду фашиста. Он бежит прямо на меня, а я — на него. Как потом произошло, точно и передать не могу. Только хорошо запомнил его рожу в предсмертном судороге, и когда победил дальше, то увидел на своём штыке поганую немецкую кровь.

Теперь вот сижу и пишу. И прежнее волнение снова охватило меня. Радость, понимаешь, Максима, это радость — убить немца, врага своего. Бой сменился боем, одна атака сменялась на другую. Иван Пассар стал опытным и смелым бойцом.

Как-то на рассвете завязался особенно жестокий бой за одну высоту. Немцы населили. Вдруг умолк наш пулемёт. Это заметил весь завод. Выпешшего из строя пулемётчика заменил сержант. Но через минут десять ранило и сержанта. Тогда его место занял Иван Пассар. Он не ждал приказа. Он рванулся к пулемёту и расстреливал из него одну группу немцев за другой.

Вдруг совсем рядом разорвалась мина... Иван очнулся в госпитале. И первое, что он спросил: удержал ли завод высоту? Устоял ли Сталинград?

— Да, Сталинград устоял, — ответили бойцу.

Н. БЕЛОВ.

Село Нижний Картар.

Письмо с фронта

Хабаровский край, Нанайский район, село Найхин, колхозникам сельхозартели «Новый путь».

Дорогие наши друзья!

Прежде всего, хочется рассказать вам о фронтовой жизни вашего земляка Иннокентия Пассара, который заменил павшего в бою с фашистскими захватчиками славного сына нанайского народа Максима Александровича Пассара. Прибыв на фронт, Иннокентий чуть ли не в первый же день принял участие в атаке. Он шёл на врага с яростью, переполнившей его сердце, с одним неукротимым желанием — отомстить за знаменитого нанайского стрелка. Он был в бою смел, как Максим Пассар, как и тот, он метко разил фашистских шкалов. Убив собственноручно более десяти немцев, Иннокентий этим самым открыл свой счёт мести за жизнь Максима Пассара.

После боевого крещения Иннокентий, по приказу командования, пришёл в наше училище. Скоро он станет командиром, поведёт в бой свой подразделение.

С гордостью сообщаем вам, что Иннокентий Пассар в училище, как и на линии огня, показывает отличные образцы боевой учёбы. В изучении оружия, тактики он проявляет исключительную настойчивость и упорство. На стрельбах, которые проходили у нас несколько дней назад, он отлично выполнил задание. Я объявил ему благодарность. В ответ Иннокентий сказал коротко:

— Хочу научиться стрелять, как Максим Пассар. И своего непременно добьюсь.

Приятно нам, братья-нанайцы, и все трудящиеся Советского Дальнего Востока, что посланцы ваши с такой отвагой дерутся в боях, с таким упорством овладевают техникой войны.

Недавно к нам на фронт приехал поэт Евгений Долматовский. Он хорошо знал Максима, в своё время встречался с ним на Амуре, бывал с ним вместе в жаркие дни боёв за Сталинград. Как и все мы, он с болью пережил известие о гибели нашего боевого друга.

Подружился поэт и с Иннокентием. Долго они беседовали о тайге, о многоводной дальневосточной реке — Амуре, об охоте. В знак этой дружбы, скреплённой кровью, поэт-фронтовик написал чудесную поэму о храбрых сынах нанайского народа.

Родные друзья наши! Мы даём вам клятву — так овладеть военной техникой, так биться против проклятого, гнусного врага, чтобы в предстоящих решающих боях истребить его раз и навсегда. Подвиг героя нанайского народа Максима Пассара — живой и яркий пример того, как надо сражаться и уничтожать немецкую сволочь.

Нам хочется знать, как вы готовитесь к решительным схваткам с врагом, как трудитесь на своих постах, как помогаете фронту.

Помните, товарищи, у нас одна-единственная цель — уничтожить фашистских кровопийцев, отстоять свою свободу, свою родину.

Не пожалеем же для достижения этой великой цели ни сил, ни крови, ни жизни своих!

Помните, в единой дружной борьбе и работе воинов фронта и тружеников тыла — залог победы. Будем же усиливать нашу борьбу до полного разгрома врага!

По поручению командиров и курсантов училища:
Полковник СМЕРНОВ.

Полевая почта № 45244.

Нашему земляку

Бойцу Действующей Армии Иннокентию Пассару и его боевым товарищам

Здравствуй наш дорогой Иннокентий, здравствуйте дорогие фронтовики!

Шлём вам наш горячий колхозный привет и желаем вам доброго здоровья. Обсуждали и взволновало нас дорогой Иннокентий, твоё письмо, которое прочли мы, собравшись вместе на колхозное собрание. С радостью узнали мы о твоих боевых делах, о том, что свято блюдёшь ты наш обычай, идёшь по следам фашистского зверя, убившего Максима Пассара, — метишь за смерть близкого и тебе и нам человека, бесчестно уничтожаешь фашистских преступников.

Обычай нашего народа требует, чтобы все мы помогали тебе в твоём священной мести. И решили мы рассказать в своём письме, как метим мы лютому врагу за кровь нашего Максима Пассара, за слёзы и кровь советских людей, за разрушенные города и села нашей родины, за злодеяния, совершенные фашистами на нашей земле.

Лучших своих сынов отправил нанайский народ, в том числе и наш колхоз «Новый путь», на фронт для защиты любимой родины. Наши колхозники героически сражаются на фронте. Бельды Чокко, Киле Захар, Бельды Кирилл за боевые подвиги получили правительственные награды.

Мы, колхозники и колхозницы-нанайцы, делаем всё, что от нас требует страна и Красная Армия, для скорейшего разгрома и уничтожения самого злейшего врага — гитлеровской Германии. За один только 1942 год мы, колхозники и колхозницы сельхозартели «Новый путь», выловили и дали государству 6.700 пентнеров высококачественной рыбы. В том же 1942 году мы хорошо провели все сельскохозяйственные работы, вырастили высокий урожай и получили с каждого гектара 15 пентнеров овса и 90 пентнеров картофеля. Более 100 тонн картофеля и овощей из этого урожая наш колхоз сдал в фонд обороны родины. В порядке товарищеской взаимопомощи мы обеспечили семенами овса четыре колхоза нашего района. На строительство боевой техники, по примеру тамбовских колхозников, мы собрали и внесли 94.000 рублей, отправили для бойцов Красной Армии более 200 разных тёплых вещей и десятки посылок с подарками. Наша животноводческая форма состоит в числе передовых по району.

В 1943 году мы работаем с удвоенной энергией для победы над немецко-фашистскими поработителями. Успешно выполнив план первого квартала, мы дали стране и фронту 1.514 пентнеров рыбы. Сейчас боремся за то, чтобы увеличить рыболовству, дать ещё больше рыбной продукции для страны и для вас, наши дорогие защитники.

Узнав о выпуске Второго Государственного Военного Займа, мы все, как один, подписались на новый займ и полностью внесли свою сумму подписки — 45.000 рублей. Колхозники Бельды Чангити, Бельды Орок, Киле Иннокентий, Оненко Кати внесли на займ наличными по 1.000 рублей.

Кровь славного сына нанайского народа, героя павшего на поле битвы, возёт нас к мщению. Клянемся тебе, наш Иннокентий, и твоим товарищам-фронтовикам, что мы и впредь будем, не покладая рук, с удвоенной силой трудиться на благо родины, ещё больше увеличим свою помощь фронту для скорейшего разгрома заклятого врага — немецко-фашистских захватчиков! Всю силу нашей ненависти и мести обрушим на фашистского зверя!

ПО ПОРУЧЕНИЮ КОЛХОЗНИКОВ:

председатель колхоза Бельды Николай, заведующий лавом Киле Иннокентий, бригадир полеводческой бригады Киле Тимофей, бригадир рыболовецких бригад Оненко Кати и Одзла Кисо, заведующий фермой Бельды Поля, рыбаки Киле Гауда и Бельды Чангити, председатель сельхозкомы Киле Пильчука, секретарь комсомольской организации Киле Михана и другие.

Закон тайги

Евг. Долматовский

ПОЭМА

I.

Шёл я берегом Амура,
Косым Дальнего Востока,
Шёл, пуская дым из трубки.
Чтоб комар меня не трогал.
Сталы черныя берёзы—
Дети каменного века
И мохнатые флааны
Из-под ног моих взлетали.
— Это было так недавно,
И давным-давно быть может.
Это было в годы мира,
Мне казалось—эти чащи
Никогда ещё не знали
Ни походы человека,
Ни его весёлых песен.
Вдруг развинулись льяны,
Будто сами раступились,
И бесшумно мне навстречу
Вышел маленький охотник,
В сапогах из мягкой кожи,
В шапке из осенней белки,
Воронья берданка
На плече его висела.
Подомбл и улыбнулся
Мне нагнет смуглокулый.
Из раскосых лобных щёлок
Черныя глаза блеснули,
На его вёрот возмуг.

Мне с ним было только двое,
Потому и подружались
Скорой дружбою тайжной.
У костра думной ночью
Мне рассказывал охотник,
Что зовут его Максимом,
Что из рода он Пассаров,
Из нанайского селенья.
Где отец его и братья
В рыболовстве и охоте
Жизнь суровую проводят.
Он рассказывал о крае,
Где текут тапха реки,
Что козь вставились

в воду палку,
То она не пошатнётся,
Крепко сжатая бокami,
Рыб, илущих косяками.
Он рассказывал с улыбкой
Об охоте на медведя—
Восемь шкур на стене сохнут
У него в селенье Найкин.
Я спросил тогда Максима:
— Ты медведя не боишься?
— Нет,— ответил мне нагнет,—
У тайги свои законы:
Если зверь на появивке
Голову мою расколёт,
Брат пойдёт по следу вверх
И его догонит пулей.
Я вспомнил эту встречу
В крае Дальнего Востока,
Встречу с юной Максимом.
Меткоглазый и бесстрашный,
Забоды являею гонели.
Выль болотная кричала,
И на берег выбегала
Тёмная волна Амура.

II.

Лёд прошёл по рекам трижды
С той поры. На нашу землю
Враг ворвался, сол горо,
И пожаром помыкал,
Я забыл Амур дальний
И тайжные прогулки,
Между Волгою и Доном
Мне пришлось с врагом
сражаться,
По степям гуляла выль
Волком вой воле Волги.
На врага мы шли облавой.

Ледяная и окружающая,
И однажды после боя
Мы в землянке отдыхали.
Валенки свои сушили
У печурки раскалённой.
Вдруг, откинув плащ-палатку,
Волде нас воин бесшумно
Маленький боец в шинели.
В шапке из осенней белки.
Он присел и улыбнулся.
Пламя сразу озадило
В узких щелочках живые
Меткие глаза нанайца.
Командир полка сказал мне
Голосом: — Познакомься.
Это наш искусный снайпер.
Наш отважный комсомолец.
И зовут его Максимом.
А на рода он Пассаров.
Из нанайского селенья.
Где отец его и братья
В рыболовстве и охоте
Жизнь суровую проводят.
Я ответил: мы знакомы.
И Пассар промолвил: точно!
И в глазах его раскосых
Огоньк мелькнул тайжный.
Здравствуй, друг! Ты помнишь

встречу
В крае Дальнего Востока?
Ты ходивший на медведя.
Как с другим воюешь, звером.
Что пришел не из берлоги.
А из города Берлина?
И нагнет мне ответил:
— Я убил их двести двадцать.
И покуда жива я буду
Истреблять их беспощадно.
Растегнувшись шинели, нагнет
И на ватнике седлом
Я уцепил оленя славы.
Красное увидел знамя.

III.

Рано утром мы с Пассаром
Поползли вверх. На склоне
Узкий выхолблен окопчик
Средь засохшего бурьяна.
Здесь легли мы, наблюдая
За равниной. Перел нами
Грустная земля застыла
Белым саваном укрыта...
На дальнего оврага
Вынырнула стесный выстрел.
Был снаряд. И бесстрашно
Шликали в бесильной злобе
Рядом пули разрывные.
Мы дежали говорили
Про тайжные закаты
Про амурские уловы
И про лодку оморочку.
Я сказал Максиму: Знаешь
По легендам и преданиям
Бог войны и бог охоты
Был один у наших предков.
— Нет, война—Максим

ответил.—
На охоту не похожа:
Зверя был я добродушно.
То был честный подлинник.
А теперь с врагом бесчестным.
С волчьей стесей я сжикаюсь.
Новое узнаю зпаченье
Слова «зверь». Смотри.
Вон спускается с пригорка
Немец. Он меня не видит.
Но ему давно уж пулю
Приготовили уральцы.
И в отводе моей винтовки
Тихо проедет гибель звероя.
Левый глаз нагнет сузил.
Так что показалось, будто

Он заснул. Но грянул выстрел.
И ошар, открылись веки.
И сказал Максим сурово:
— Это двести двадцать первый
Кончик жизни, благополучно.
Так мы пеный лён, сидели
Спрятаны в сухом бурьяне
Согретысь, волкой, шуткой.
Скорой дружбою войной.
Десять немцев прохотили
По открытому приговору.
Десять трупов на морозе,
Руки разметав застыли.
— Хорошо—сказал нагнет—
Лён, сегодняшний, однако.
У меня промбл недаром.
А теперь пойдём в землянку.
Должен я письмом отправить
Помоща своей любимой.
Что жавёт у нас в селенье.
Случая в новой школе
Маленьких детей раскосых,
Я люблю её так сильно.
Что мне кажется порою—
Эта сила заряжает
Меткую мою винтовку.
У котилки суровоной
Из раскосого стекла
Медленно писал нагнет
Письмечко своей любимой.

IV.

В январе прошла по фронту
Ветер, жестокая: убила
Немцы снайпера Максима.
Знаменитого Пассара.
Меткие глаза закрылись.
Руки твёрдые повисли.
Обаготились алой кровью.
Синеватые станицы
Комомольского билета
Девушка из новой школы
Как твой утешить горе?
Он любил тебя так сильно.
Как фанатов неманидет.

V.

Мы ушли вверх на Запад.
Далеко от нас сегодня
Свекла могла друта.
На земле освобождённой
Снова лёд прошёл по рекам.
И весёлым днём прозрачным
Шёл я по ходам сообщения
К пункту командира роты.
Налю мной свистели пули
И равнина громыкала.
Будто по железной крыше
Ходят в сапогах тяжёлых.
Здесь уцепил я связнота
С телефонным аппаратом.
Этот воин смуглокулый
Показался мне знакомым.
— Ты нагнет? — Да, нагнет.
— Как зовут тебя? — Пассаром.
Инногентнем, Я родом
С дальних берегов Амура.
— Ты давно уже на фронте?
— Нет, недавно. С той минуты.
Как узнал о смерти друга.
Меткоглазого Максима.
Я ведь тоже комсомолец
И ружьём владею с детства.
И твой брат и брат Максима
И по мыслям и по крови.
Я припомнил край Востока.
Встречу с маленьким нанайцем
И его рассказ короткий:
Про закон тайги суровый:
Если зверь на появивке
Голову мою расколёт
Брат пойдёт по следу вверх
И его догонит пуля.

Писает работы художника В. Висоцкого.

Один учёный, исследовавший в свое время нравы и обычаи народов Северо-восточной Азии, описал любопытную историю с шаманом-наемником. На груда старика, наряженного в пестрые шмотья и всевозможные безделушки, были привешены ремнями тяжёлый медный круг. Приняв его за доспехи шамана, исследователь спросил лаяйца, кем он собирается воевать.

— Мы никогда ни с кем не воюем, — ответил шаман. — Мы мёртвый народ, иди предки сами не убивали людей

Один учёный, исследовавший в свое время нравы и обычаи народов Северо-восточной Азии, описал любопытную историю с шаманом-наемником. На груда старика, наряженного в пестрые шмотья и всевозможные безделушки, были привешены ремнями тяжёлый медный круг. Приняв его за доспехи шамана, исследователь спросил лаяйца, кем он собирается воевать.

— Мы никогда ни с кем не воюем, — ответил шаман. — Мы мёртвый народ, иди предки сами не убивали людей

— Мы никогда ни с кем не воюем, — ответил ханасец. — Мы мирный народ. Еще предки сами не убивали людей.

— Зачем же в таком случае тебе тот металлический щит?

Остатки пояснил, что щит служит
ку средством отражения амаба (чертей,
ых дунов). В связи с этим исследо-
атель записал в свой дневник небезын-

...всю запись:
«Был бы кто, кто еще себе напоминает,
... — коммунистический, коммунистический и др.
...ный период. Но по натуре своей
...многом мягкий, если не сказать роб-

Там они — отомынные страсти. Но, как
еще удалось выяснить, никогда не участ-
вовали в войнах. Там уж сложились не
характерные общему закону и начала,
что они не могут, но должны, не имеют

После этой встречи учёного с на-
зидом прошло более, чем полвека..
И вот в 1949 году, в неизвестном

на своем селе Найкино ученикам
шестого класса средней школы ди-
ректор раздал анкету. В ней был один
вопрос: «Кем ты хочешь быть?».

Ученик 6 класса Пось Киле, родом из села Дале, написал законично: «Хочу

«Я родился в Сикачи-Алине, в семье
— пишет Борис Оленко. — Когда
был маленьким, отец брал меня со

на рыбалку. Он рассказывал мне
страшные рассказы о черной старике,

о китайском купце, перед которым отбл
падал ниц, о парском чиновнике, выш
нем его для собственного развлечения,
о голоде, о болезнях, о страхе, кото
рый не покидал ни на один день...
Вспоминались теперь мне эти рассказы.
Ярче стал я видеть радости сегодняш
ней жизни. Ведь мы свободны, мы си
мы, мы грамотны, мы равноправны!
Сколько даров дала нам родная совет
ская власть! Кем мне быть? Хочу,
очень хочу я стать танкистом, чтобы
с оружием в руках защищать свою
власть, свою свободу, свою родину.

И желания. мечты наявыше стали реальной действительностью, живым делом. С первого же дня войны в райвоенкомат, а райком ВКП(б) Нахаловского района посматривали десятки, сотни газетчиков. Это были краткие и горячие, насветистые и неотсутные просьбы: «Помогите на фронт, умею стрелять из винтовки, умею ходить на лыжах по любой местности». «Убедительно прошу откомандировать на фронт, моя военная специальность — пулеметчик. приобрел ее в военном кружке».

Как же звали себя на фронте пред-

Зима 1941 года. Отборные немецкие

части рвались к Москве. На защиту столицы встали русские и украинцы, белорусы и узбеки, панайцы и казахи. В битве, яростной, смертельной, ог-

Наша часть мощным ударом выбила

фашистские войска на города Истры, опрокинула их на западный берег реки Истры. Решив закрепиться на берегу реки, который представлял на себя

весьма выгодный рубеж, немцы взорвали историческое водохранилище, чтобы

[illegible]

—Три бойца из части, которой командовал полковник Шустов, попали в окружение врага. Два русских—Люди́н и Горлов и третий напалс Николай Бели́з. На них набросился целый выводок фашистов, стараясь захватить их в плен. Над тремя красивыми бойцами нависла опасность смерти или рабства. Но они решили во что бы то стало выжить из окружения. А если пасть, то пасть достойно.

Боем Бельды взял на себя инициативу, позвал команду отходить с боем. Двое стреляли по фашистам, один перебежал.

Когда наши бойцы подошли к вы-
рутку, босняк-напац был уже тяжело
ранен, но не сдался врагу, прикрывая

По всем фронтам пронеслась слава

Приветствуют работу и доклад В. П. Шеломова.

бойных-навайцах, как об искусных раз-
водчиках и метких стрелках.

Множество фактов из боевой жизни наших еще и еще раз подтверждает мысль, что они обладают всеми качествами людей воинственных, предприимчивых и отважных. Их превосходство над природою зачастую: личная храбрость, безукоризненная честность, мужество и малое, безбрежная верность, дружба — дополняются сознанием высокого долга перед матерью-родиной. У нас, как и у всех народов великой советской страны, есть что защищать, есть за что проливать свои кровь.

Взгляните теперь на этот народ, присмотритесь к его жизни, труду, стремлениям! Он живёт уже не в шалашах, не в юртах, не в фанзах, а в светлых домах. Он горд своей свободой, своим равноправием!

И прав был ученик, сказав, что напайны — зарод воспримчивый и даровитый. Теперь это подтвердила сама жизнь. Сколько из напайнов вышло учителей, врачей, детских, замечательных советских и партийных работников.

Но не прав был учёный, говоря, что
наивайцы — народ не воинственный, не
умеющий воевать.

Наша страна знает бессмертные подвиги лучших своих сынов-воинов. Народ свято чтит их имена. И в ряду самых отважных и самых искусных бойцов этой великой войны —

...и боялся. Этот великий воины стоял
наша нация Максима Пассара. Он один
истребил больше роты фашистских бан

дитов. Он научил десятки бойцов своему изумительному искусству стрелять без единого промаха. В его боевом подвиге отразились прекрасные качества нахайского народа.

О Максиме Пассаре, его бесстрашии и снайперском искусстве знали не только друзья, но и враги. Он был грозой для фашистских шкалов. От его метких пуль нельзя было укрыться, уйти.

Но я смерть героя стала страшной и грозной для врага. Память о Максиме Пассаре «стучит в сердце» каждого нациста, вызывая к ненависти и мести. Его школьный товарищ Захар Киле, узнав о гибели друга, прислал на родину краткое письмо:

«Братья мои — земляки, тяжело писать про это. Садим застилают глаза. Не хочется верить, нет, быть этого не может — Максим убит... значит, убит. Наверным, мы смелые, у нас много честных друзей, у нас в руках отличное оружие. У нас полно сердца плеча. Отомстим же гадюшником нам за нашего брата Максима... а давай...»

мечти, стариков, женщин, растерянных
любящих друг друга. Отомстим! Я
убил уже 111 фашистов. Клянусь
вам, земляки-друзья, пока рука моя
держит винтовку, пока глаза мои
видят солнце, я буду мстить, я буду
убивать фашистов. Смерть им всем!
Недалеко колхозница села Найкина

Поли Вельды получила письмо с фронта. Командование части, где служит её муж Чокто Вельды, пишет ей:

«Когда ваш муж прибыл в нашу часть, мы приняли его за тихого, безмятежного человека. И кто бы мог подумать, что в этом человеке были скрыты такая отвага, упрямство и ловкость. Мы стараемся на его примерах учить молодых бойцов».

В последний бой Чочо Бельди и группа его товарищей была поручена защите очень важной высоты. Перед этим он узнал о смерти своего земляка снайпера Пассара. Он был молчалив, но мы чувствовали, что в нем происходит. Вот начался бой. На горстку людей населила целая орда вражеских автоматчиков. Все надежды были на пулеметчика Чочо Бельди. Он и в этот раз не подвёл. Сохраняя спокойствие, как и подобает настоящему воину, он

Подруги, близко дружили, потом
открыл по ним меткий гудительный
огонь. Попада лизали бой на высоту.
Товарищи вашего мужа один
ранены, другие убиты. Но он едн
продолжал борьбу. И на отдале
ныости. Командование наградило
маленько. За боевые заслуги.

Много фактов, много примеров. Говорит он об одном: малецкий знаменитый народ пополнил на большие ратные дела. Трудовой и воинственный, он занял в семье свободных народов сред достойное место в жизни и в борьбе.

СТ. КУЗМЕНКО.
А. ГОЛОВКО.

Ст. КУЗМЕНКО
А. ГОЛОВКО